

«К утру я был жёлт, как померанец».

М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени

Обладая аналитическим умом и тонкой наблюдательностью, большие писатели внимательно относились к оценке состояния здоровья своих литературных героев. И в первую очередь – литераторы-врачи, которые использовали при этом собственные профессиональные познания. У М.А. Булгакова, например, в романе «Мастер и Маргарита» Воланд жалуется на болезнь суставов:

«Гелла, пора – сказал Воланд, и Гелла исчезла из комнаты. – Нога разболелась, а тут этот бал, – продолжил Воланд.

– Позвольте мне, – тихо попросила Маргарита. Воланд пристально поглядел на неё и пододвинул к ней колено. Горячая, как лава, жижга обжигала руки, но Маргарита, не морщась, стараясь не причинять боли, втирала её в колено.

– Приближённые утверждают, что это ревматизм, – говорил Воланд, не спуская глаз с Маргариты, – но я сильно подозреваю, что эта боль в колене оставлена мне на память одной очаровательной ведьмой, с которой я близко познакомился в тысяча пятьсот первом году в Брокенских горах, на чёртовой кафедре.

– Ах, может ли это быть! – сказала Маргарита.

– Вздор! Лет через триста это пройдет. Мне посоветовали множество лекарств, но я по старинке придерживаюсь бабушкиных средств. Поразительные травы оставила в наследство поганая старушка, моя бабушка!»

Необычность персонажа состоит в том, что он – дьявол! – страдает вполне челове-

ческими хворями. И это сближает существо мифическое с обычными людьми. В то же время автор интригует далёкого от медицины читателя, сам отлично зная, каким именно заболеванием, чреватым суставными осложнениями, мог заразиться Воланд при интимном контакте 358 лет тому назад (напомним, что действия московских глав романа происходят в мае 1929 года). Перед началом Великого бала впервые в романе даётся детальное описание лица Воланда. В нём присутствует ещё один болезненный признак: «*Два глаза уперлись Маргарите в лицо. Правый с золотою искрой на дне, сверлящий любого до дна души, и левый – пустой и черный, вроде как узкое игольное ухо, как выход в бездонный колодец всякой тьмы и теней*». При желании это можно расценить как некую «врождённую» аномалию, что, на наш взгляд, вполне уместно для образа сатаны. Наконец, в тексте указано на ещё одну болезнь Воланда – последствие перенесённого им инсульта: «*Лицо... было скошено на сторону, правый угол рта оттянут к низу, на высокоом облысевшем лбу были прорезаны глубокие параллельные острым бровям морщины. Кожу на лице Воланда как будто навеки сжёг загар*». В общем, состояние здоровья представителя мира потусторонних сил представлялось вполне характерным и для реального жителя столицы того времени.

Надо ли говорить, как удачно работают подобные детали на бытовой, исторический и даже метафизический планы произведения. «Не дурно быть врачом и понимать то, что

пашеть», – точно, хоть и по другому поводу, заметил А.П. Чехов.

Но были и такие авторы, которые, не обладая достаточными медицинскими познаниями и не посягая на чужую, неведомую им территорию, оставили, тем не менее, весьма точные с клинической точки зрения описания ряда заболеваний. Порой они даже опережали наблюдения врачей-клиницистов и трактовку ими новых, ранее не описанных болезней. В этих случаях для неведомой доселе патологии нередко подбиралось эпонимическое название, имеющее отношение к соответствующему литературному персонажу. Приведём для примера известные врачам синдромы Пиквика («Записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса), Мюнхгаузена («Приключения Мюнхгаузена» Э. Распе), Алисы из страны чудес (сказка Л. Кэрролла).

Сегодня нам хотелось бы подробно остановиться – возможно, впервые – на описании в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1839 – 1840) неизвестного в те годы заболевания, которым страдал главный герой, офицер-гвардеец Григорий Александрович Печорин. В повести-главе «Княжна Мери» молодой человек не производит впечатление серьёзно больного. Всё же его беспокоят некие диспепсические расстройства («У меня прескверный желудок»), по поводу чего он прибыл на лечение в местность, где «шумят целебные ключи», и теперь принимает «положенное число стаканов нарзана». Вскоре происходят события, вызывающие у него всплеск негативных эмоций и нештучные переживания. Считавшийся другом юнкер Грушницкий распространяет гнусную клевету, задевающую не только самого Печорина, но и честь женщины, некогда горячо им любимой. Следует вызов на дуэль.

«Я с трепетом ждал ответа Грушницкого; холодная злость овладела мною при мысли, что если б не случай, то я мог бы сделаться посмешищем этих дураков... Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами... И я чувствовал, что ядовитая злость мало-помалу наполняла мою душу. «Берегитесь, господин Грушницкий!» – говорил я, про-

живаясь взад и вперед по комнате. – Со мной этак не шутят. Вы дорого можете заплатить за одобрение ваших глупых товарищей. Я вам не игрушка!..»

Я не спал всю ночь.

К утру я был жёлт, как померанец».

Померанец, горький апельсин, бигардия – это, напомним, многолетнее растение рода цитрусовых, чей плод обладает насыщенным жёлтым цветом.

Подстрекаемый приятелями Грушницкий, дабы не выгладеть трусом, вызов принимает. Печорин отправляется на дуэль в сопровождении доктора Вернера (присутствие врача диктовалось неписанным дуэльным кодексом). Далее следует разговор, чрезвычайно интересный с точки зрения медика:

*«Отчего вы так печальны, доктор? – сказал я ему. – Разве вы сто раз не провожали людей на тот свет с величайшим равнодушием? Вообразите, что у меня желчная горячка (sic! – Прим. авт.); я могу выздороветь, могу и умереть; то и другое в порядке вещей; старайтесь смотреть на меня, как на пациента, одержимого болезнью, **вам еще неизвестной** (выделено нами. – Авт.), – и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени; вы можете надо мною сделать теперь несколько важных физиологических наблюдений... Ожидание насильственной смерти не есть ли уже настоящая болезнь?»*

Эта мысль поразила доктора, и он развесялился».

По ходу романа Печорин не раз проявляет признаки выраженной эмоциональной лабильности: нервозность поведенческих эмоций, импульсивность желаний и поступков, склонность к депрессиям. Несомненна связь между этой особенностью и развитием у него желтухи.

В литературе мы нашли ещё одно клинически точное описание подобного явления. Речь идет об автобиографическом произведении выдающейся русской меценатки, общественного деятеля, педагога и коллекционера, Почётного гражданина города Смоленска княгини Марии Клавдиевны Тенише-

вой (1858–1928) «Впечатления моей жизни. Воспоминания».

Мария Клавдиевна воспитывалась в семье без отца, более того, его имя долго держалось в глубокой тайне. «Странно... – читаем мы в дневнике. — Росла я под именем Марии Морицовны, и тут же, как во сне, мне припомнилось, что давно-давно, в туманном детстве, меня звали Марией Георгиевной». В книге «Княгиня Мария Тенишева», вышедшей в 1968 году в Париже к 40-летию её смерти, биограф М.К. Тенишевой и её ученица в годы эмиграции Ольга де Клапье пишет: «Отца Марии убили, когда ей было 8 лет... Когда запели «Со святыми упокой!» и Маня опустилась на колени, среди частых всхлипований позади её часто раздавались слова: «Боже мой! Боже мой! Царя яички...». Речь, несомненно, идёт об убийстве Александра II, настоящего, по её предположению, отца Тенишевой. Сама М.К. описала обстоятельства, при которых семейная тайна впервые приоткрылась для неё. Во время игры с подружкой детства Татой, в тенистом саду, между ними происходит следующий диалог:

– А ведь тот, кого ты зовешь папой, тебе вовсе не папа.

– А кто же он?

– Теперешний папа – муж твоей мамы, но ты не его дочь.

– А кто же мой папа?

– Твой настоящий папа не был мужем твоей мамы, она его просто так любила.

Сердце застыло во мне, в висках застучало... Я старалась понять тайный смысл её слов, но я была слишком мала, что-то ускользало... Я почти кричала, допрашивая её: «Скажи, кто он?»

– Твой отец был князь В. Твоя мать разлюбила его и бросила...

Мое изумление переходило в ужас...

– А он... мой папа, где он?

– Он умер. Ты сирота.

Я застыла, кругом меня всё померкло... Дрожь пробежала по телу. Глаза горели без слёз... У меня, которую никто не любил, никогда даже не ласкал, – у меня был свой

родной папа, который любил меня и даже плакал по мне, и этого папы больше нет, он в могиле... Я сирота...

Вечером после ужина хватились меня. Всюду искали, перепугались до смерти: река так близка. Долго ли до беды?

Поздно, после долгих поисков, меня наконец нашли на одном из бугорков, заросшем травой, в глубоком обмороке.

На другой день я заболела желтухой. Лицо, руки, даже белки глаз пожелтели».

Следует отметить, что «Впечатления моей жизни» в жанровом отношении – настоящая книга-исповедь. По утверждению близкой подруги Тенишевой Е.К. Святополк-Четвертинской, эти предельно откровенные дневниковые записи вовсе не предназначались автором для печати.

Если же вспомнить сюжет с Печориным, здесь, несомненно, имеет место аналогичная клиническая ситуация: на высоте чрезмерного психоэмоционального напряжения, без иных видимых причин, у практически здорового ребенка развивается интенсивная желтуха.

По многочисленным свидетельствам современников А.С. Пушкина, здоровье великого поэта на протяжении всей короткой жизни, вплоть до трагической гибели, не внушало опасений. Долгую жизнь прожили его родители и дети. А раннюю смерть пяти братьев и сестёр можно связать скорее с тогдашним состоянием врачебного дела. Литературная «история болезни» Пушкина касается в основном последних сорока шести часов физических и душевных страданий после смертельного ранения, полученного на дуэли. Добавить к этому нечего. Разве что следует оговориться: объём врачебных знаний о сущности многих болезней в первой половине XIX века, по выражению медика-современника, «мог уместиться на ногте мизинца». А как писал классик отечественной медицины, профессор Московского университета М.Я. Мудров (1776–1831), «не должно лечить и самой болезни, для которой часто и названия не находим, не должно лечить и

причины болезни, которая часто ни нам, ни больному, ни окружающим его неизвестна».

Детальное изучение биографии А.С. Пушкина позволило нам впервые установить заболевание, сопровождавшееся желтухой, которым поэт страдал, вероятно, на протяжении всей жизни. Самое раннее описание находим в воспоминаниях современника – чиновника III отделения А.А. Ивановского. Оно было опубликовано в журнале «Русская старина» за 1874 год в статье под названием «А.С. Пушкин, 21 и 23 апр. 1828 г.» и цитируется нами по известной книге В.В. Вересаева. В апреле 1828 года А.С. Пушкин обратился к графу А.Х. Бенкендорфу с просьбой направить его в район боевых действий с турецкой армией. Дальше предоставим слово А.А. Ивановскому:

*«Когда ген. Бенкендорф объявил Пушкину, что Его величество не изъявил на это соизволения, Пушкин впал в болезненное отчаяние, сон и аппетит оставили его, **желчь сильно разлилась в нём** (выделено нами, – Авт.), и он опасно занемог. Тронутый вестию о болезни поэта, я поспешил к нему... Мы (с приятелем А.П. Бочковым. – Авт.) нашли его в постели худого, **с лицом и глазами совершенно пожелтевшими** (выделено нами, – Авт.).*

– Правда ли, что вы заболели от отказа в определении вас в турецкую армию?

– Да, этот отказ имеет для меня обширный и тяжкий смысл, – отвечал Пушкин. – В откaze я вижу то, что видеть должно, – немилость ко мне государя».

А.А. Ивановский начинает активно убеждать поэта в несправедливости его подозрений. Он полагает, что государь не хочет подвергать опасностям жизнь «царя скудного царства родной поэзии».

«При этих словах Пушкин живо поднялся на постели, глаза и улыбка его заблестали жизнью и удовольствием... Я продолжал:

– Если б вы попросили о присоединении вас к одной из походных канцелярий...»

Чиновник подаёт Пушкину мысль отправиться в кавказскую армию Паскевича в качестве штабного служащего, что позволило

бы ему в непосредственной близости наблюдать за происходящими событиями.

« – Превосходная мысль! Об этом надо подумать! – воскликнул Пушкин, очевидно оживший... Мы обнялись.

– Мне отрадno повторить вам, что вы воскресили и тело, и душу мою!

*Товарищ мой, в первый раз увидевший Пушкина и зорко в эти минуты наблюдавший его, был поражён удивлением при очевидности столь раздражительной чувствительности поэта, **так тяжело заболевшего от отказа в удовлетворении его желания** (выделено нами, – Авт.) и так мгновенно воскресшего от верных, гармонизировавших с его восприимчивою душою представлений».*

Помимо приведённого описания желтушного криза, мы обнаружили ещё одно упоминание о подобном состоянии поэта. Оно было отмечено за год до его гибели старшей сестрой Ольгой Сергеевной Пушкиной-Павлицевой (1797–1868). А нам стало известно из мемуаров племянника, Л.Н. Павлицева (1834–1915):

*«При последнем свидании с братом, в 1836 году (в конце июня), Ольга Сергеевна была поражена его худобою, **желтизною лица** (выделено нами. – Авт.) и расстройством его нервов. Александр Сергеевич с трудом уже выносил последовательную беседу, не мог сидеть долго на одном месте, вздрагивал от громких звонков, падения предметов на стол; письма же распечатывал с волнением; не выносил ни крика детей, ни музыки».*

Обширная мемуарная литература о А.С. Пушкине отражает эмоциональную обострённость его характера, страстность, пылкость, порывистость, чувствительность к насмешкам, обидчивость, нетерпеливость, неистощимую подвижность ума, влюбчивость. Так, А.П. Керн вспоминала: «Он был неровен в общении, то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту...» Отметим, что на знаменитом портрете кисти В.А. Тропинина, выполненном

примерно в то же время, отчётливо видна желтизна лица в сравнении с кожей кистей рук.

Всё вышеизложенное даёт нам основание предположить, что неоднократные приступы желтухи развивались у А.С. Пушкина на высоте психоэмоционального перенапряжения.

Среди многочисленных форм патологии печени клиницистам хорошо известно заболевание, связанное с нарушением обмена билирубина, которое носит наследственный характер. Основная причина его развития – врождённый недостаток в организме глюкуроновой кислоты, которая способствует выведению билирубина из организма. А переизбыток билирубина как раз обуславливает желтушное окрашивание кожи и слизистых оболочек. Распространённость болезни среди европейцев составляет 2–5%, жителей Азии – 3%, африканцев – 36%. Проявляется в молодом и юношеском возрасте, у лиц мужского пола в 8–10 раз чаще, чем у женщин. (Заметим, родословная А.С. Пушкина никак не исключает генетическую возможность наличия у него такой патологии.)

Впервые в медицинской литературе заболевание было описано в 1901 году парижским терапевтом Огюстеном Николя Жильбером (1858–1927). Впоследствии оно получило эпонимическое название «синдром (болезнь) Жильбера». Нередкой причиной периодически возникающих обострений, по мнению многих исследователей и практиков, является предшествующее тяжёлое психоэмоциональное состояние. Сравнительно недавно установлено, что данная патология

напрямую связана с дефектом определённой области человеческого генома.

Как уже было отмечено, первое описание болезни в художественной литературе (во всяком случае, на русском языке) присутствует у М.Ю. Лермонтова в романе «Герой нашего времени», увидевшем свет в 1840 году. К ещё более раннему периоду (1828) относится свидетельство А.А. Ивановского о подобной напасти у А.С. Пушкина (публикация 1874 года).

Лишь через 60 лет после русского классика опубликовал свою научно-исследовательскую работу О.Н. Жильбер (1901). Едва ли о ней хоть что-то знала М.К. Тенишева, вспоминая эпизод с внезапно развившейся у неё желтухой в книге «Впечатления моей жизни» (написана в эмиграции, издана после смерти автора).

Похоже, болезнь, известную в мировой медицинской науке как синдром Жильбера, мы можем с немалым основанием именовать «печоринским», «тенишевским» или даже «пушкинским» синдромом. Остаётся только добавить, что детальный механизм её развития и поныне до конца не изучен.

Литература

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: ЭКСМО, 2009. – Гл. 26.
2. Вересаев В.В. Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. Минск, «Мастацкая літаратура», 1986. – С.103–105; 451.
3. Княгиня М. Тенишева. Впечатления моей жизни. Воспоминания. – М.: Захаров, 2002. – С. 14–15.
4. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Часть II. Собр. соч. в 4 т. Изд. 2. – Л.: Наука, 1979.